

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.45/47

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-86-97

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ ОТНОШЕНИЙ ПО ДОВЕРИТЕЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ИМУЩЕСТВОМ

Ананьев А. Г.

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Российская Федерация

Московский университет имени С. Ю. Витте

Рязанский филиал

390023, г. Рязань, пр-д Яблочкова, д. 5, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть вопросы, определяющие сущность правовой природы договора доверительного управления имуществом и возникающих на его основе отношений.

Процедуры и методы. Проанализированы современные подходы к пониманию отдельных аспектов, а также правоприменительная практика. При проведении исследования использованы методы анализа и сопоставления, а также методы наложения одних данных на другие в целях выявления противоречий.

Результаты. В работе были выявлены расхождения доктрины и правовых предписаний и формальной логике. Полученные результаты позволили автору предложить собственное решение соответствующих вопросов, определяющих правовую природу возникающих из доверительного управления имуществом отношений. Сформулированы базовые начала природы проанализированных отношений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленное исследование вносит определённый вклад в развитие современной теории гражданского права по вопросам доверительного управления.

Ключевые слова: договор доверительного управления, обязательственные отношения, объект и предмет отношений, возмездность, заключённость договора, вознаграждение управляющего

QUESTIONS OF LEGAL ESSENCE OF RELATIONSHIPS IN PROPERTY ASSET MANAGEMENT

A. Ananyev

Ryazan State University named after S. A. Yesenin

46 Svobody ul., Ryazan 390000, Russian Federation

Moscow University named after S. Yu. Witte

Branch in Ryazan

5 Yablochkova proezd, Ryazan 390023, Russian Federation

Abstract

Aim. To uncover issues defining the essence of the legal nature of property asset management contract and relations arising on its basis.

Methodology. Modern approaches to understanding certain aspects, as well as law enforcement practice, are analyzed. During the study, methods of analysis and comparison were used, as well as methods of superimposing some data on the other ones in order to identify contradictions.

Results. The work revealed differences of doctrine and legal regulations and formal logic. The results obtained allowed the author to propose his own solution to the relevant issues that determine the legal nature of relations arising from property asset management. Basic principles of the nature of the analyzed relations are analyzed.

Research implications. The presented research makes a certain contribution to the development of the modern theory of civil law on the issues of trust management.

Keywords: asset management contract, obligation relations, object and subject of relationship, retribution, conclusion of contract, performance fee

Введение

Доверительное управление имуществом в контексте российского законодательного пространства является достаточно новым институтом, впервые введено в отечественном праве положениями указа Президента России № 2296 «О доверительной собственности (трасте)»¹. Отправным историческим моментом для доверительного управления можно считать институт так называемой доверительной собственности (траст).

Рассматриваемая конструкция, как отмечал Джон Х. Лангбейн, является характерным механизмом общего права для организации передачи богатства от поколения к поколению, когда передающий имеет значительные активы или сложные семейные дела [27, р. 165]. Идейная основа таковой зиждется на давних постулатах, заложенных ещё в правовых системах континентальной Европы [12, с. 110]. Так, первое упоминание о такого рода собственности можно отыскать в периоды раннего английского средневековья (XII–XIII вв.) [16, с. 4].

Исходя из действующих положений, закреплённых в п. 1 ст. 1012 Гражданского кодекса РФ² (ГК РФ) следует, что довери-

тельное управление имуществом представляет собой договорное отношение, в силу которого одно лицо, являющееся владельцем имущества и учредителем управления (сетлор), передаёт иному субъекту – доверительному управляющему (трасти) – отдельное имущество или группу вещей на заранее установленный срок в целях осуществления управления им, а управляющий, получивший соответствующее имущество, принимает на себя обязанности осуществлять управление им в интересах учредителя управления или иного указанного им третьего лица – конечного бенефициара (выгодоприобретателя) [21, с. 33].

В связи с этим возникают вопросы о роли данной договорной конструкции, а также выяснения правовой природы возникающих на её основе отношений. Таким образом, целью настоящего исследования можно считать раскрытие основных вопросов, определяющих сущность правовой природы доверительного управления имуществом и отношений, возникающих в действующем правовом пространстве. Для достижения цели ставятся задачи по раскрытию места заявленной конструкции в гражданском обороте, определение её природы с позиции вещных и обязательственных прав; выявление объектно-предметной структуры.

¹ Указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 03.01.1994. № 1. Ст. 6. Фактически указ утратил силу в связи с принятием ч. 2 ГК РФ, закрепившей соответствующий институт. Однако прямой нормы, отменяющей названный указ, не имеется.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2)

[ст. 454–1109]: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

Место договора доверительного управления имуществом в современном гражданском обороте

Исследователи обоснованно отмечают [23, с. 294], что имеющееся на сегодня положение дел достаточно парадоксально в понимании доверительного управления, заложенного в законе в силу того, что названный институт в большинстве случаев находит своё применение тогда, когда собственник соответствующего имущества на данный момент отсутствует или же не определён, а равно как наличествующее лицо-собственник по тем или иным причинам не имеет фактической и/или юридической возможности реализовывать свои субъективные права применительно к своему имуществу.

Примеры подобным ситуациям мы можем отыскать в правилах относительно судьбы имущества подопечного лица, которое в целях его сохранения и возможно-го приумножения может быть передано в управление (ст. 38 ГК РФ¹). Иным вариантом является установление доверительного управления к имуществу безвестно отсутствующего гражданина (ст. 43 ГК РФ), или имущества, оставшегося после наследодателя (ст. 1171 ГК РФ² и гл. XI Основ законодательства Российской Федерации о нотариате³). Что же касается присутствующих на месте граждан, то тут законодатель тоже содержит определённые правила, обусловленные уже фактом занятия тех или иных должностей. Так, граждане, занимающие должности государственных служащих и обладающие ценными бумагами и/или акциями (долями участия в уставных капиталах организаций), наделаются обязанностью, в силу занимаемо-

го положения, передать соответствующие активы в доверительное управление, если продолжение фактического обладания ими может стать причиной конфликта интересов между данным государственным служащим и эмитентом соответствующих ценных бумаг и/или юридическим лицом, в котором такой гражданин участвует [2, с. 3]⁴. Таким образом чётко определить место рассматриваемой договорной конструкции нельзя, т. к. она включает в себя добровольные и принудительные начала, может возникать в интересах отсутствующего лица, что не свойственно классическим договорам.

Вопросы предмета и объекта возникающих отношений

С учётом дихотомического проявления доверительного управления в правовом континууме современного отечественного правоприменительного процесса, адекватное понимание сущностной характеристики обозначенного не представляется возможным без анализа его структурных элементов, свойственных ему как общественному отношению. Так, исходя из предписаний закона, предметом договора выступают совершаемые управляющим те или иные фактические и/или юридические действия в интересах бенефициара (п. 2 ст. 1012 ГК РФ). Непосредственный же объект доверительного управления определяется положениями ст. 1013 ГК РФ и иными законами, допускающими расширение объекта в части включения в него денежных средств и цифровых активов, а

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [статьи 1–453]: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) [статьи 1110–1224]: Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 18.03.2019) // Российская газета. 2001. 28 нояб.

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1, в ред. от 30.12.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. 11 мар.

⁴ Речь идёт о положениях п. 2 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.08.2004; п. 2.2. Ст. 14.1. Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ (в ред. от 26.05.2021) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.03.2007. П. 2 ст. 14 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.12.2011.

также результатов интеллектуальной деятельности.

Говоря об объектно-предметной структуре рассматриваемого договора, В. В. Витрянский дифференцировал в нём 2 начала: первым выступают те действия управляющего, которые он совершает (т. е. бихевиористическая составляющая), а вторым – переданное в управление имущество (т. е. материализованная составляющая) [4, с. 49]. Полагаем, обоснованным здесь будет различать объект и предмет договора. В качестве первого будет выступать непосредственно имущество, а второго – действия, которые совершаются во исполнение обязанностей по управлению, первичные – передача и принятие имущества в управление, вторичные – управление принятым имуществом.

В подтверждение этому можно сослаться на положения п. 3 ст. 1012 ГК РФ, согласно которым устанавливается, что управляющий самостоятельно и от своего имени совершает необходимые сделки с управляемым имуществом, если соответствующие ограничения не регламентированы договором или специально не оговорены в отдельных законодательных актах. Именно поэтому управляющий условно-самостоятельно решает, какие необходимо и достаточно принимать меры для сохранения и приумножения переданного в доверительное управление имущества, как и не допускать снижения его стоимости¹. Франсуа Баррьер особенно подчёркивает в этой связи, что трасти не должен использовать какие-либо выгоды от доверительного управления в своих собственных интересах, а всецело направлять их исключительно для достижения цели доверительного управления [24, р. 873].

В соответствии с правилами п. 1 ст. 1013 ГК РФ в качестве объекта управления могут выступать не только отдельные вещи, но также особые разновидности таковых, представленные в гражданском обороте в форме имущественных комплексов

¹ См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 02.03.2012 № Ф02-524/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

(ст. 132 ГК РФ), в т. ч. единый недвижимый комплекс (ст. 133.1 ГК РФ), документарные и бездокументарные ценные бумаги с удостоверяемыми ими правами, права на результаты интеллектуальной деятельности, которые могут быть реализованы в экономическом аспекте, и иное имущество, допускаемое к передаче в управление [3, с. 313]. Системный анализ и толкование положений ст. 128 и 141.1 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что в управление могут быть переданы цифровые права, в т. ч. опосредующие цифровые финансовые активы² [19, с. 90]. Таким образом, критерий материальной основы для существования объекта (как это свойственно правам вещным) для рассматриваемого договора не является исключительным, т. к. в его структуре есть место *res incorporalis*, которыми конкретный договор может быть исчерпан.

Базовым исключением из числа объектов управления, определённых в законе, является любое имущество, которое находится у соответствующего лица на праве хозяйственного ведения или оперативного управления (п. 3 ст. 1013 ГК РФ), т. е. принадлежащее по праву собственности иному лицу. Вещи, принадлежащие на иных вещных правах (п. 1 ст. 216 ГК РФ) также не могут порождать доверительного управления.

Таким образом, по причине того, что рассматриваемый договор является сделкой реальной, то его объектом может быть только имущество, которое находится в реальном фактическом владении сетлора на момент заключения договора на праве собственности или приравненному к нему праву в отношении вещей бестелесных, в т. ч. результатов интеллектуальной деятельности. Иными словами, допустимыми являются только те, которые имеются в наличии здесь и сейчас. С учётом этого, на наш взгляд, правильно констатировать,

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020.

что права вещные, лежащие в основе допустимости передачи имущества в управление, не могут охватывать собой имущество, не существующее в конкретный момент времени. Сделанный вывод взаимно корреспондируется предписаниям п. 1 ст. 1016 ГК РФ.

Вещно-правовая или обязательственная природа отношений из договора доверительного управления имуществом

Среди цивилистов не прекращаются дискуссии относительно правовой природы анализируемой договорной конструкции. Так, в юридической литературе дифференцируются 2 основных подхода. Сторонники первого подхода, следуя континентально-правовым традициям, признают исключительно обязательственно-правовую модель соответствующих отношений (В. А. Дозорцев [6, с. 117–128], Е. А. Суханов [22, с. 44–56], А. Л. Маковский, С. А. Хохлов, Н. Д. Егоров). Одним из представителей противоположного подхода выступает А. А. Рябов, который указывает, что доверительное управление является самостоятельным видом ограниченного вещного права [20, с. 46]. К данному выводу автор приходит, основываясь на постулатах, характеризующих трасти: 1) он обладает широким кругом полномочий относительно того имущества, которое ему передано (но не более тех, что предоставлены ему по договору и есть у сетлора); 2) его интерес представляет собой получение соответствующего объекта управления в целях коммерческого использования, для извлечения выгоды для себя самого, но, правда, опосредованно через первичного получателя дохода – сетлора [15, с. 157]. Данные суждения в определённой мере выступают продолжением традиции англо-американских исследователей, указывающих, что траст есть дихотомичное явление, представляющее собой «расщеплённую» собственность (*bundle of rights*) [25, р. 69], включающую в себя титул по

общему праву (*legal title*) относительно имущества, переданного в траст, и титул по праву справедливости (*equitable title*), в совокупности дающие возможность участия в имуществе иного для его выгоды, и, как следствие, производной от этого своей выгоды, интегрируя собственность как капитал и как объект личной собственности лица [28, р. 12].

На наш взгляд, со второй позицией об ограниченной вещно-правовой сути отношений и опосредующих их анализируемой договорной конструкции трудно согласиться. Во-первых, независимо от широты имеющихся полномочий, которыми обладает трасти (управляющий), он во всех случаях без исключений должен исходить из первенства интересов учредителя траста (сетлора) [7, с. 262], а уже в последующем – собственных, как производных от них [30, р. 561]. Вывод об обратном противоречил бы законодательным конструкциям не только нашего государства, но и правилам, которые находятся в иных правопорядках, созвучных в этой части отечественному праву [8, с. 39]. Во-вторых, сущность интереса трасти выражается исключительно в получении им его вознаграждения за оказание услуг по управлению, но не в реализации им правомочий собственника. В случае, когда договор безвозмездный, то доверительный управляющий действует, основываясь на других побуждениях, но при этом он не утрачивает права на возмещение расходов, вызванных управлением.

Принимая во внимание основания возникновения рассматриваемых отношений, по своей сути они между трасти и сетлором являются обязательственными. Как уже было сказано ранее, в соответствии со ст. 1012 ГК РФ, сетлор передаёт имущество, а трасти обязуется совершать определённые действия, а именно управлять имуществом, для достижения изначально заданных целей. Следовательно, объектом в данном случае будут выступать действия обязанного лица – трасти, которые он должен совершить в период действия соответствующего договора [9, с. 39].

В подтверждение нашего вывода можно привести и следующие доводы. Доверительное управление основывается на договоре, что является отличительным признаком для обязательственных отношений. Кроме того, в характеристике права доверительного управления, закреплённых в Гражданском кодексе РФ, отсутствуют такие признаки (свойства) вещных прав, как: бессрочность (т. к. закон ограничивает срок управления периодом не более 5 лет – ст. 1016 ГК РФ), право следования не присуще данным отношениям, равно как данные отношения не включены в перечень вещных прав (ст. 216 ГК РФ), а также имеется условно-абсолютный характер, определённый смежными началами, основанными на имеющейся вещи, а не обязательстве.

Дополнительно можно указать на то обстоятельство, что, например, при выдаче доверенности на совершение фактических и юридических действий в отношении той или иной вещи, мы не задаёмся вопросом о возникновении в такой связке представляемый–представитель прав и обязанностей вещно-правового характера у последнего. В связи с этим, резонансность и обоснованность постановки вопроса о вещно-правовой природе траста вызывает определённые сомнения в его верности и логичности в контексте отечественного законодательства.

Признавая отсутствие обозначенных характеристик, свойственных вещным правам, некоторые авторы продолжают отстаивать с определёнными оговорками концепцию «вещно-правовых» признаков рассматриваемой договорной конструкции [1, с. 91]. При этом логического обоснования к этому соответствующими исследователями не приводятся, равно как не объясняется непринятие во внимание обозначенных выше различий и особенностей, в т. ч. разности объектов прав, т. к. у траста они значительно шире, чем у вещных прав. Джон Х. Лангбейн отмечает, что исторически отрицание контрактного характера траста было средством укрепления принципа справедливости, обосновывающего институт личной собственности,

порождающей отношения по «опеке имущества» [26, р. 649–650].

Анализ рассматриваемой конструкции позволяет заключить, что трасти в ходе своей деятельности по управлению имуществом, вступает в отношения с третьими лицами по той же схеме, какая имеет место в отношениях представительства. На иных третьих лиц, не задействованных в конкретном договоре, чей круг является неопределённым, действительно возложена пассивная обязанность воздержаться от действий по препятствию ему в осуществлении его права и обязанности применительно к объекту управления. Аналогичное мы наблюдаем в арендных отношениях. Данный характер прав является абсолютным и присущ для вещного права и проистекает из наличествующей вещи как таковой [10, с. 42], а не имеющегося договорного отношения, по которому такая вещь была передана в управление.

Кроме того, нельзя исключать и того обстоятельства, что трасти, являясь титульным владельцем в отношении переданного имущества, вправе использовать любые способы защиты своих прав против третьих лиц, в т. ч. инициировать иск об устранении препятствий в пользовании управляемым имуществом (ст. 305 ГК РФ). Однако данные права основываются на факте обладания вещью или проистекают из нарушения соглашения, создавая обязательственные способы защиты.

Таким образом, можно предположить интегральный характер, объединяющий относительные и абсолютные начала в структуре рассматриваемых отношений. Так, взаимоотношения между учредителем и управляющим базируются на договоре и опосредуют обязательственные отношения, а взаимоотношения между трасти и иными третьими лицами обладают элементами вещно-правовых, но проистекающих из наличествующей вещи в пользовании трасти. Возможность транслирования отдельных вещно-правовых способов защиты, допускаемая гражданским законодательством, не является имманентным и безусловным началом для категоричного

вывода о вещно-правовой природе соответствующих отношений.

Из изложенного следует, что природа доверительного управления в современном отечественном правопорядке базово является обязательственной с незначительным инкорпорированием в нее вещно-правовых элементов, проявляющихся опосредованно через материальные вещи, переданные в управление и отсутствующие полностью при управлении бестелесными вещами.

Возмездность и её влияние на заключённость договора доверительного управления имуществом

Иным принципиальным и в то же время весьма дискуссионным в уяснении сути правовой природы анализируемого договора является вопрос относительно возмездности анализируемой договорной конструкции. Дискуссионность обусловлена отсутствием чёткой правовой регламентированности данного аспекта, что порождает вариативность понимания ответа на обозначенный вопрос. В зарубежных правопорядках уровень комиссионных, если таковые имеются, требуемых доверительным управляющим, формируют так называемый ценовой сигнал в трастах, что может тоже создавать ряд неопределённостей [29, p. 644].

Согласно положениям, закреплённым в п. 1 ст. 1016 ГК РФ, в соглашениях об учреждении доверительного управления надлежит предусматривать размер и форму вознаграждения управляющему, которое ему необходимо выплачивать (предоставлять). Однако законодатель делает оговорку относительно того, что такое указание необходимо только тогда, когда соответствующее вознаграждение устанавливается сторонами в заключаемом договоре. Взаимосвязанная с этим правилом норма ст. 1023 ГК определяет, что трасти обладает правом требования получения вознаграждения, если таковое было установлено договором [14, с. 239].

В силу приведённой неоднозначности законодательных формулировок в рядах исследователей продолжают дискуссии, высказываются разнообразные позиции относительно вариантов решения данной проблематики: одни озвучивают суждения, что анализируемый договор надлежит расценивать исключительно возмездным в силу специальных правил, закреплённых в гл. 53 ГК РФ; иные – определяют его возмездным, основываясь на общей презумпции возмездности гражданско-правовых договоров, установленных в ст. 423 ГК РФ. При этом следует констатировать, что прямых сторонников безвозмездного характера рассматриваемой конструкции не имеется, несмотря на потенциальную возможность такового, исходя из конкретного заключённого договора.

3. Э. Беневоленская приходит к выводу, что потенциальная возможность для трасти требования вознаграждения от сетлора при выполнении условий договора и в силу прямого указания на это в положениях ст. 1023 ГК РФ даёт основание для категоричного вывода о том, что анализируемый договор по своей сути есть возмездное отношение [2, с. 5]. Вместе с тем согласиться с такой интерпретацией весьма сложно. Правила, изложенные в названных статьях, поставлены в прямую зависимость от поведения трасти, который может и не реализовывать предоставленное ему субъективное право требования вознаграждения, если оно было установлено в соглашении, так же как изначально не обладать им при безвозмездном управлении. Соответственно, зависимость от воли и поведения определённого субъекта вряд ли может быть положена в основу определения характера возникаемых отношений в аспекте их возмездности, а уж тем более для построения на их основе категоричных выводов.

Относительно правила, установленно-го ст. 423 ГК РФ и его транслирования на анализируемые отношения, некоторые исследователи считают, что это обоснованно и имманентно, в связи с чем не имеется сомнений и оснований не применять пре-

зупмцию, закреплённую в п. 3 ст. 423 ГК РФ, о возмездности любого договора [18, с. 119]. Однако полагаем необходимым отметить, что хотя, согласно законоположениям п. 3 ст. 423 ГК РФ, договор предполагается возмездным, это не исключает случаев, когда из закона или иных нормативно-правовых актов, существа и содержания конкретного договора не следует иного (т. е. безвозмездный характер). Соответственно, законодатель не определяет жёсткой презумпции (безусловного императива) возмездности, что также не позволяет нам автоматически переносить тезис о безусловной возмездности на рассматриваемые отношения.

Л. Ю. Михеева в своей работе отмечает, что в силу требований ст. 1016 ГК РФ, когда договор определён сторонами как возмездный (в нём в обязательном порядке должно быть указано на это) с определением соответствующей платы в пользу управляющего (трасти). Смысл приведённого означает невозможность переноса общей презумпции возмездности на конструкцию данного договора безразборно и в каждом случае. Иными словами, если трасти и сетлор при формировании договорных условий не ставили вопрос о вознаграждении управляющего, это должно свидетельствовать, как заключает Л. Ю. Михеева, о незаключённости договора из-за отсутствия соглашения сторон по одному из существенных условий [13, с. 74]. Как отмечает Г. В. Петрова, это связано с тем, что трасти обоснованно имеет право претендовать на получение вознаграждения, действуя разумно как компетентное и заботливое лицо [17, с. 101].

По мнению В. В. Витрянского, проблематика возмездности анализируемых отношений обладает более простым решением, суть которого сводится к адекватному толкованию и применению базисной презумпции возмездности. В данном аспекте надлежит производить соотношение норм общих со специальными законоположениями, регламентирующими возмездность договора доверительного управления имуществом (п. 1 ст. 1016 и ст. 1023 ГК

РФ). Так, нормы ст.ст. 1016 и 1023 ГК РФ, представляя собой специальные правила, упраздняют действие общего правила о презумпции возмездности (п. 3 ст. 423 ГК РФ). В силу этого, как указывает данный автор, если управляющий и учредитель доверительного управления «запомнили» согласовать вопрос о возмездности, такой договор надлежит квалифицировать как незаключённый [4, с. 48].

При этом, как отмечается в судебной практике, установление нормативным образом максимального размера вознаграждения, причитающегося доверительному управляющему (трасти), не свидетельствует о невозможности установления по соглашению сторон в положениях их договора иного размера вознаграждения с учётом мнения всех выгодоприобретателей (бенефициаров) и иных обстоятельств, заслуживающих внимания в конкретной ситуации¹.

Беспорно, *Lex specialis derogat Lex generalis* имеет значение и признаётся в правовой системе [5, с. 202], о чём неоднократно указывается правоприменителем, в частности, в отдельных актах Конституционного Суда РФ² или Верховного суда РФ³. Соответственно, мы можем ставить вопрос о приоритете специальных правил о возмездности доверительного управления. Вместе с тем, нормы гл. 53 ГК РФ не дают нам оснований, как указывалось выше, сделать категоричный и однозначный вывод по данной проблеме.

Вместе с тем необходимо отметить, что изложенная позиция В. В. Витрянским и Л. Ю. Михеевой о незаключённости договора при отсутствии указаний на вопросы его возмездности или отсутствия таковой

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 07.07.2015 № 78-КГ15-7 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 14.05.2003. № 8-П и от 29.06.2004 № 13-П и в определениях от 09.04.1998 № 48-0, от 12.03.1998 № 51-0, от 19.05.1998 № 62-О, от 01.12.1999 № 211-О, от 05.10.2000 № 199-О.

³ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1/2015 (утв. Президиумом Верховного Суда 26.06.2015).

(т. е. безвозмездное управление), являются противоречащими требованиям закона, с учётом общих правил логики о причинно-следственных связях. Анализируя формулировки, содержащиеся в ст. 1016 ГК РФ, можно утверждать, что вопрос возмездности имеет принципиальное значение для квалификации рассматриваемого договора (по критерию его заключённости) только тогда, когда об этом в самом договоре прямо указано в виде права управляющего на получение вознаграждения. Иными словами, здесь работает логическая схема «если – то». Соответственно, условия о вознаграждении не являются обязательными для включения в договор, в т. ч. из смысла п. 3 ст. 423 ГК РФ, и требующими обязательного согласования сторонами в силу требований ст. 432 ГК РФ. Отсутствие прямого указания в соглашении на возмездность или безвозмездность не может расцениваться как основание для автоматического признания соответствующего договора незаключённым по мотивам несогласования контрагентами существенных условий [11, с. 41]. Отсутствие в договоре указаний на размеры выплачиваемого трасти вознаграждения не приобретает свойства существенного условия, если оно не определено в соглашении как такое. Положения ст. 1023 ГК РФ не устраняют обоснованность сделанного нами вывода, т. к. в ней никак не регламентирован вопрос об этом, а лишь воспроизведено правило о возможности получения вознаграждения за осуществляемое доверительное управление, что не позволяет делать беспелляционный вывод о существенности условия о вознаграждении для анализируемой договорной конструкции.

Вместе с тем, положения ст. 1023 ГК РФ безальтернативно устанавливают правило о том, что управляющий имеет право на возмещение необходимых расходов, произведённых им и связанных с исполнением договора (ст. 309.2. ГК РФ), что представляет собой исключение из общего правила, согласно которому расходы по исполнению относятся на исполняющего субъек-

та¹. Обозначенное правило уточнено ссылкой на то, что соответствующие расходы возмещаются за счёт доходов, поступающих управляющему от использования переданного ему имущества, а не из средств учредителя. Иными словами, учредитель не производит от своего имени выплат в счёт возмещения затрат на управление в пользу управляющего (трасти). Таким образом, речь идёт об уменьшении причитающихся сетлору доходов за счёт недополучения им части средств, перенаправленных на покрытие расходов, обусловленных исполнением договорного обязательства со стороны трасти. Определяемое законом уменьшение получаемого дохода не может расцениваться как имманентная возмездность соответствующих отношений.

Заключение

Конструкция доверительного управления не может быть чётко дислоцирована в действующей системе гражданско-правовых договоров, т. к. обладает в ряде случаев свойствами обязательности, в т. ч. для ограничения прав отдельных субъектов. При этом практика применения конструкции доверительного управления в большей степени получает распространение для «присмотра» за имуществом отсутствующего лица.

Возникающие отношения по доверительному управлению имеют смешанную характеристику. Заявляемая исследователями исключительно вещно-правовая природа не может быть признана правомерной. Отдельные вещно-правовые аспекты проистекают не из имеющегося договора как такового, а из объекта управления – фактической материальной вещи, выступающей составной частью соответствующих отношений. При управлении бестелесными вещами (цифровые права, результаты интеллектуальной деятельности) говорить о вещно-правовой составля-

¹ См.: п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // СПС «КонсультантПлюс».

ющей в целом не представляется возможным.

Возмездность таких отношений поставлена в зависимость от волеизъявления сторон соответствующего договора, равно как последующего поведения управляющего по реализации его права требования. Возмездность приобретает характер существенного условия, требующего его согласования только в случаях, когда в

заключаемом договоре определена возможность для управляющего на получение вознаграждения от его деятельности. Возмещение расходов по управлению не может признаваться вознаграждением управляющего, исходя из их сущностной характеристики.

Статья поступила в редакцию 01.06.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметьянова З. А. О видах вещных прав и их системе // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 88–99.
2. Беневоленская З. Э. Доверительное управление имуществом. История и современность // Предпринимательское право. 2011. № 3. С. 2–7.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2011. 1055 с.
4. Витрянский В. В. Договор доверительного управления имуществом. М.: Статут, 2002. 191 с.
5. Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. Проблемы конкуренции коллизионных норм в юридической науке и практике // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 201–209.
6. Дозорцев В. А. Доверительное управление // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 1996. № 12. С. 117–128.
7. Иванов А. А. Понятие и общая характеристика правовой конструкции траста // Молодой учёный. 2020. № 25. С. 259–266.
8. Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 37–48.
9. Капанина Ю. В. Доверили управление своим имуществом? // Главная книга. 2016. № 10. С. 39.
10. Карпов Д. М. Фактические основания абсолютности вещного права // *Ex jure*. 2019. № 2. С. 40–54.
11. Мадоян С. М. Правоотношения доверительного управления имуществом как средство защиты прав собственности лиц, осужденных к лишению свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 7. С. 36–43.
12. Мазаева А. В. Доверительное управление и траст: опыт стран континентального права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 108–113.
13. Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом. М.: Юрист, 1999. 176 с.
14. Мороз М. И. К вопросу о вознаграждении доверительных управляющих // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 16. С. 237–241.
15. Мороз М. И. Основания возникновения траста // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2017. № 2. С. 152–161.
16. Нарышкина Р. Л. Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США. М.: Издательство РУДН, 1965. 37 с.
17. Петрова Г. В. Гармонизация правового регулирования доверительного управления активами по праву России, ЕС и праву государств СНГ как фактор обеспечения безопасности инвестиций // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 2. С. 96–102.
18. Подузова Е. Б. Квалификация договора в российской и англосаксонской правовых семьях // *Lex russica*. 2016. № 9. С. 114–128.
19. Подузова Е. Б. Право как объект гражданских правоотношений в контексте цифровой среды и экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 86–93.
20. Рябов А. А. Траст в российском праве // Государство и право. 1996. № 9. С. 42–51.
21. Самигулина А. В. Особенности заключения и действия договора доверительного управления паевым инвестиционным фондом // Право и экономика. 2020. № 2. С. 29–35.

22. Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 11. С. 44–56.
23. Улзетуева О. Ц. Особенности субъектов договора доверительного управления имуществом подопечного // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 2. С. 293–297.
24. Barrière F. La fiducie-sûreté en droit français // McGill Law Journal. 2013. Vol. 58. P. 869–904.
25. Baron J. B. Rescuing the Bundle-of-Rights Metaphor in Property Law // University of Cincinnati Law Review. 2014. Vol. 82. № 1. P. 57–101.
26. Langbein J. H. The Contractarian Basis of the Law of Trusts // The Yale Law Journal. 1995. Vol. 105. № 3. P. 625–675. DOI: 10.2307/797196.
27. Langbein J. H. The Secret Life of the Trust: The Trust as an Instrument of Commerce // The Yale Law Journal. 1997. Vol. 107. № 3. P. 165–189.
28. Fennell L. A. Ostrom's Law: Property Rights in the Commons // International Journal of the Commons. 2011. Vol. 5. № 1. P. 9–27.
29. Sitko R. H. An Agency Costs Theory of Trust Law // Cornell Law Review. 2004. Vol. 89. № 3. P. 621–684.
30. Schwarcz S. L. Commercial Trust as Business Organization: Unraveling the Mystery // The Business Lawyer. 2003. Vol. 58. № 2. P. 559–585.

REFERENCES

1. Ahmetyanova Z. A. [Types of Real Rights and Their System] In: *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki* [Scientific notes of Kazan University. Humanities Series], 2011, no. 4, pp. 88–99.
2. Benevolenskaya Z. E. [Trust property management. History and modernity] In: *Predprinimatelskoe pravo* [Entrepreneurial law], 2011, no. 3, pp. 2–7.
3. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. *Dogovornoe pravo. Kniga tretaya: Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug* [Contract law. Book three: Contracts for the performance of work and the provision of services]. Moscow, Statut Publ., 2011. 1055 p.
4. Vitryansky V. V. *Dogovor doveritelnogo upravleniya imushchestvom* [Property asset management agreement]. Moscow, Statut Publ., 2002. 191 p.
5. Gambaryan A. S., Dallakyan L. G. [Problems of competition of conflict of laws in legal science and practice]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2019, no. 438, pp. 201–209.
6. Dozorcev V. A. [Trust management]. In: *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 1996, no. 12, pp. 117–128.
7. Ivanov A. A. [Concept and general characteristics of the legal structure of a trust]. In: *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2020, no. 25, pp. 259–266.
8. Kanashevsky V. A. [The relationship of the participants in the trust in relation to the property transferred to the trust]. In: *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, no. 10, pp. 37–48.
9. Kapanina Yu. V. [Have you entrusted the management of your property?]. In: *Glavnaya kniga* [Main book], 2016, no. 10, pp. 39.
10. Karpov D. M. [Factual grounds for the absoluteness of real rights]. In: *Ex jure*, 2019, no. 2, pp. 40–54.
11. Madoyan S. M. [Legal relations of trust management of property as a means of protecting the property rights of persons sentenced to imprisonment]. In: *Vedomosti ugovolno-ispolnitelnoy sistemy* [Vedomosti of the penitentiary system], 2020, no. 7, pp. 36–43.
12. Mazaeva A. V. [Asset management and Trust: the Experience of Continental Law Countries]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Law and Comparative Law], 2017, no. 1, pp. 108–113.
13. Miheeva L. Yu. *Doveritelnoe upravlenie imushchestvom* [Property asset management]. Moscow, Yurist Publ., 1999. 176 p.
14. Moroz M. I. [On the question of the remuneration of trustees]. In: *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezultaty* [Fundamental and applied research: problems and results], 2014, no. 16, pp. 237–241.
15. Moroz M. I. [Grounds for the establishment of a trust]. In: *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University of Finance and Law], 2017, no. 2, pp. 152–161.
16. Naryshkina R. L. *Doveritelnaya sobstvennost v grazhdanskom prave Anglii i SShA* [Trust property in the civil law of England and the United States]. Moscow, RUDN Publishing House, 1965. 37 p.

17. Petrova G. V. [Harmonization of legal regulation of trust management of assets under the law of Russia, the EU and the law of the CIS states as a factor in ensuring the security of investments]. In: *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, pravo* [International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law], 2015, no. 2, pp. 96–102.
18. Poduzova E. B. [Qualification of Agreement in Russian and Anglo-Saxon legal families]. In: *Lex russica*, 2016, no. 9, pp. 114–128.
19. Poduzova E. B. [Law as an object of civil legal relations in the context of digital environment and sharing economy]. In: *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2020, no. 2, pp. 86–93.
20. Ryabov A. A. [Trust in Russian law]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 1996, no. 9, pp. 42–51.
21. Samigulina A. V. [Features of the conclusion and operation of an asset management agreement for a mutual investment fund]. In: *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2020, no. 2, pp. 29–35.
22. Suhanov E. A. [On property asset management as a legal method of exercising property rights]. In: *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2017, no. 11, pp. 44–56.
23. Ulzetueva O. C. [Features of the subjects of the agreement on the property asset management of the ward]. In: *Vestnik BGU* [Bryansk State University Bulletin], 2011, no. 2, pp. 293–297.
24. Barrière F. La fiducie-sûreté en droit français. In: *McGill Law Journal*, 2013, vol. 58, pp. 869–904.
25. Baron J. B. Rescuing the Bundle-of-Rights Metaphor in Property Law. In: *University of Cincinnati Law Review*, 2014, vol. 82, no. 1, pp. 57–101.
26. Langbein J. H. The Contractarian Basis of the Law of Trusts. In: *The Yale Law Journal*, 1995, vol. 105, no. 3, pp. 625–675. DOI: 10.2307/797196
27. Langbein J. H. The Secret Life of the Trust: The Trust as an Instrument of Commerce. In: *The Yale Law Journal*, 1997, vol. 107, no. 3, pp. 165–189.
28. Fennell L. A. Ostrom's Law: Property Rights in the Commons. In: *International Journal of the Commons*, 2011, vol. 5, no. 1, pp. 9–27.
29. Sitko R. H. An Agency Costs Theory of Trust Law. In: *Cornell Law Review*, 2004, vol. 89, no. 3, pp. 621–684.
30. Schwarcz S. L. Commercial Trust as Business Organization: Unraveling the Mystery. In: *The Business Lawyer*, 2003, vol. 58, no. 2, pp. 559–585.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананьев Андрей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина; заместитель заведующего кафедрой гражданского права и процесса Московского университета имени С. Ю. Витте, Рязанский филиал; e-mail: andrey-a-g@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey G. Ananyev – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Civil Law, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Deputy Head, Department of Civil Law and Procedure, Moscow University named after S. Yu. Witte, branch in Ryazan; e-mail: andrey-a-g@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ананьев А. Г. Вопросы правовой сущности отношений по доверительному управлению имуществом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 86–97.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-86-97

FOR CITATION

Ananyev A. G. Questions of Legal Essence of Relationships in Property Asset Management. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 3, pp. 86–97.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-86-97